

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-2-64-183–200

О НЕКОТОРЫХ НЕОБЫЧНЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ ПЕРСОНАЖАХ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

О.С. Советова, О.О. Шишкина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
olgassetova@yandex.ru, haruki.yoko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной группе необычных антропоморфных персонажей, выявленных на скалах и плитах курганов Минусинской котловины. У этих фигур намеренно выделены кисти рук, иногда преувеличенных размеров. Такие изображения встречаются с эпохи бронзы до этнографического времени. В целом изображения рук с пальцами являются универсальными и отражены в искусстве многих народов. К настоящему времени в репертуаре наскального искусства обширного ареала выделено уже несколько сюжетов с антропоморфными персонажами, у которых преднамеренно выделена открытая пятерня. Среди них сюжет с персонажем, показанным с поднятой вверх рукой, на которой прорисованы пальцы, рядом с животным или в позе совокупления с ним (так называемый «священный брак»); сюжет с персонажем, которого отождествляют с богом-громовиком, руки которого имеют размеры, во много раз превосходящие натуральные, и др. В наскальном искусстве Минусинской котловины авторами выделено еще два сюжета с пятипалыми персонажами тесинского и этнографического времени. Первый связан с идеей «перехода» в иной мир, в нем, помимо крупных пятипалых фигур, присутствуют более мелкие антропоморфы, а также изображение зеркала на ручке. В другом сюжете этнографического времени отобразено путешествие всадника – «культурного героя», который встречается с группой пятипалых «пузатых» персонажей (изображенных на одной плоскости – один эпизод), а затем (следующий эпизод на соседней плоскости) – с двухголовым чудовищем, у которого, помимо длинных пятипалых рук, присутствуют зоо- и антропоморфные, а также мужские и женские признаки. Подобные сюжеты были популярны в эпосе народов Южной Сибири, своими корнями они уходят в далекую древность.

Ключевые слова: петроглифы, Минусинская котловина, сюжеты с пятипалыми персонажами, семантика

Изображения людей или персонажей с антропоморфными чертами в наскальном искусстве Минусинской котловины и сопредельных территорий были

Данные об авторах: Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, директор ИИиМО Кемеровского государственного университета; Шишкина Ольга Олеговна – аспирант кафедры археологии Кемеровского государственного университета.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 118-09-40089.

устойчиво популярными от древности до этнографического времени. Несмотря на то что в репертуаре наскального искусства самых ранних эпох преобладающей была зооморфная тема, уже тогда в сценах стали появляться и антропоморфные персонажи – сидящие/стоящие в лодках фигуры, адоранты, рогатые «человечки», другие загадочные полиморфные образы с антропоморфной составляющей. Позднее одним образам на смену приходят другие, среди них есть как относительно схематичные фигуры, так и вполне реалистичные, со множеством разнообразных элементов, особенно в этом отношении выигрывают персонажи, выполненные тонкими гравированными линиями. Фигуры могли быть статичными, динамичными, включенными в многофигурные сцены, одиночными. В данном случае нас интересует лишь одна категория персонажей (и схематичных, и реалистичных), у которых на руках, как представляется, намеренно выделены пальцы. Интерес к руке и к ладони, в частности, в древнем искусстве проявляется уже с эпохи палеолита. Изображения ладони были характерны и для наскального искусства Памира (Язгелем)¹, Казахстана (Кызылшин)², Горного Алтая (Калбак-Таш)³ и других памятников обширного ареала. Нередко в руках антропоморфных фигур изображены какие-то предметы – оружие, поводья, весла, возможно, ритуальные вещи и др., и мы видим производимые руками действия. Вместе с тем нередки случаи, когда руки/кисти рук либо не видны (руки согнуты в локтях и поставлены на талию, а кисти при этом как бы спрятаны), либо вовсе отсутствуют (безрукие персонажи). Безрукие известны в окуневской серии рисунков из Разлива 10⁴, Тас-Хазы⁵ (рис. 1, 1–3) да и среди более ранних изображений – так чаще всего показаны «пассажиры» в лодках, лишь изредка в их руках может быть весло или какой-то иной длинный предмет, как на Шалаболинской писанице⁶, Тепсее, Усть-Тубе⁷ и других памятниках (рис. 1, 4, 5). Могли быть изображены и руки-«крючки»⁸, и рудименты рук⁹ или вместо кисти показана окружность – такие фигуры есть, например, среди рисунков Шалаболинской писаницы¹⁰ и т.д. (рис. 1, 6–10). Фертообразная поза становится популярной в наскальном искусстве довольно рано, так изображены фигуры на каменном ящике из мог. Озерное¹¹ (рис. 1, 1–13), на скалах Оглахты II (рис. 1, 1–14) (а особенно широко распространены среди тагарских рисунков¹²); иногда на уровне талии в руках мог располагаться какой-то длинный предмет¹³. С другой стороны, нередко у персонажей с антропоморфными чертами могли быть руки особенные, например, с зооморфным компонентом, как у фантастического персонажа с Сулекской писаницы, рука которого заканчивается змеиной пастью (рис. 1, 1–11), или у близких по смыслу изображений, выполненных в

¹ Шер 1980, рис. 19.

² Мургабаев 2013, рис. 32, 35.

³ Кубарев 1990, 154–156, рис. 1; 2002, 50.

⁴ Пшеницына, Пяткин 2006, рис. 3, 4.

⁵ Липский, Вадецкая 2006, табл. XVII, XIX, 4; XX, 1, 3.

⁶ Пяткин, Мартынов 1985, табл. 8.

⁷ Vlednova et al. 1995, pl. 1, 6.1; 65, 2.1.

⁸ Шер 1980, рис. 106.

⁹ Шер 1980, табл. 4, 1, 2; Vlednova et al. 1995, pl. 64, 81.2; Sher et al. 1994, pl. 61. 18.

¹⁰ Пяткин, Мартынов 1980, табл. 6, 10.

¹¹ Погожева, Кадиков 1979.

¹² Ермоленко, Советова 2009.

¹³ Шер 1980, рис. 88; табл. 4.

Рис. 1. Антропоморфные изображения в наскальном искусстве Минусинской котловины. 1, 2 – Тас Хазаа (по: Липский, Вадецкая 2006, табл. XVII, XX); 3 – Разлив X (по: Пшеницына, Пяткин 2006, рис. 3); 4, 10 – Шалаболино (по: Пяткин, Мартынов 1985, табл. 8.15, 6.10); 5, 7, 8 – Усть-Туба (по: Vlednova et al. 1995, pl. 64, 65; Шер 1980, рис. 106); 6 – Черемушный лог (по: Sher 1999, 88); 9, 14 – Оглахты (по: Sher et al., 1994, pl. 61.13; Шер 1980, рис. 87); 11 – Сулек (по: Есин 2016, рис. 16); 12 – Каракол (по: Кубарев 1988, рис. 5); 13 – Озерное (по: Погожева, Кадиков, 1979, рис. 1)

других традициях¹⁴, а также двух- и трехпалые, как персонажи Кантегира¹⁵, Тас-Хазы¹⁶, Сыды V¹⁷, Каракола¹⁸ и других памятников (рис. 1).

В Минусинской котловине в тагарскую эпоху акцент на руки с растопыренными пальцами сохраняется и проявляется не только у так называемых «тагарских человечков», являющихся своеобразной «визитной карточкой» этой эпохи, но и у относительно реалистичных фигур, изображенных с такими деталями, как головные уборы типа колпака или раскидистой шляпы, с проработанными икрами ног, иногда как бы «присевшими», часто с оружием (чеканом, булавой) или другими атрибутами в руках¹⁹. Такие персонажи встречаются на Боярской писанице²⁰, Хызыл-Хае²¹, на Тепсее, Усть-Тубе²², Оглахта²³, Абакано-Первозе²⁴ и на многих других памятниках, в том числе на могильных плитах и курганных камнях: на Большом Салбыкском кургане²⁵, в Барсучьем логоу²⁶, Тогр-таге²⁷, Есино²⁸, Тепсее и др. (рис. 2). Любопытно, что популярность персонажей с обозначенной кистью сохраняется и до более поздних эпох²⁹ (рис. 2, 19–22). Встречаются как одиночные фигуры, так и в сценах с животными (с конями, козлами и др.) и другими антропоморфными персонажами. Руки с обозначенными пальцами могут быть подняты вверх (одна или обе), опущены или как бы вытянуты вперед³⁰. Количество пальцев на руке варьирует от трех до пяти. Трехпалых (или с неполным «набором» пальцев) нередко интерпретируют как хтонических божеств, хозяев животных, в то же время указывая на их птичье происхождение (?)³¹.

В целом изображения рук с пальцами являются универсальными и характерными для мировоззрения многих народов. В мифологиях нередко в функции

¹⁴ Есин 2016, рис. 15, 16.

¹⁵ Леонтьев 1985, рис. 1.

¹⁶ Липский 1970, рис. 3.

¹⁷ Грязнов, Комарова 2006, табл. 12.

¹⁸ Кубарев 1988.

¹⁹ Советова 2005а, табл. 25, 26; Есин 2017, 91.

²⁰ Дэвлет 1976, табл. VII, X.

²¹ Appelgren-Kivalo 1931, Abb. 299, 300.

²² Blednova et al. 1995, pl. 73, 78.

²³ Миклашевич, Ожередов 2008, рис. 16; Есин 2017, 106; Sher et al. 1994, pl. 101.15.

²⁴ Русакова 2016, рис. 4, 7; 5, 9.

²⁵ Марсадолов 2010, рис. 7.

²⁶ Ковалева 2013, рис. 2.

²⁷ Кузьмин 2011, рис. 44.

²⁸ Савинов 2009, табл. XLVIII-1.

²⁹ Кызласов, Леонтьев 1980, табл. 38, 1; Пяткин и др. 1995, табл. V, 3, 4; XIV, 3; XVI, 2.

³⁰ Первым интерес к жестикеляции, отображенной в наскальном искусстве, проявил И.Т. Савенков, рассматривающий петроглифы как записи языка телодвижений. Он отмечал: «К внешним выражениям душевных состояний относятся: мимика (аналитические жесты) всего тела, со включением голоса, условная подражательная мимика глухонемых, членораздельная речь как следствие эволюции органов мысли, слуха и голоса, – и письмена, в широком смысле этого слова... Язык мимический, не эмоциональный, а интеллектуальный, состоящий из аналитических жестов, как известно, отмечен у многих первобытных народов в очень различных и весьма отдаленных друг от друга местностях...» (Савенков 1910, 231). Он также высказал предположение, что в практике религии древнего населения Енисея господствующее положение занимали не предметы, а именно движения и жесты человека. Не со всеми его положениями можно согласиться, но игнорировать «язык» жестов в наскальном искусстве тоже было бы не совсем верно (Советова 2005б).

³¹ Семенов и др. 2003, 61, табл. 45, 46, 54.

пальцев входило соединение подземного мира с земным³². В египетских иероглифах знак руки соответствует деятельности как таковой, руки могли означать определенные виды деятельности – работу, жертвоприношение, а также защиту и т.д. Символ пятерни к тому же часто встречается у многих народов как способ ограждения от нечистой силы с помощью соответствующего жеста – выдвинутой вперед руки с раскрытыми пальцами³³. В Мексике рука с разведенными пальцами считалась знаком смерти³⁴. Опущенную вниз пятерню иногда связывают с нижним «темным» миром³⁵. По этнографическим источникам известно, что если ненец хотел отомстить лицу, причинившему ему какой-то вред, то вырезал из бересты изображение руки и, дождавшись ночи, отправлялся к чумам своих соседей. Он просовывал во входное отверстие каждого чума берестяную руку, и, протыкая ее при этом ножом, был уверен, что обнаружит виновного, так как у того после этого распухнет рука³⁶.

К настоящему времени в репертуаре наскального искусства обширного ареала выделено уже несколько сюжетов с антропоморфными персонажами, у которых преднамеренно выделена открытая пятерня. Среди них сюжет с персонажем, показанным с поднятой вверх рукой, на которой прорисованы пальцы (иногда несколько преувеличенных размеров), рядом с животным или в позе совокупления с ним³⁷. Подобные сцены чаще всего трактуются как воспроизведение мифологемы сакрального брака³⁸, а, соответственно, руку рассматривают как особый символ, связанный первоначально с древними представлениями о богине-прародительнице, кисти рук которой с растопыренными пальцами по аналогии связывали с деревом – ее священным символом, а затем в таком же виде стали изображать и мужское божество³⁹.

Другой сюжет связан с персонажем, у которого кисти рук намеренно гипертрофированы. Таких персонажей много как на территории Минусинской котловины (рис. 2, 1–3), так и сопредельных и более отдаленных – среди петроглифов Казахстана⁴⁰, Алтая⁴¹, Тувы⁴², Монголии⁴³ и т.д., включая европейскую часть (от Карелии до Италии и Испании)⁴⁴. Нередко преувеличенно раскрытые кисти рук, по выражению Вл.А. Семенова, «с иллюзией разрастания ладоней и пальцев, имеющих размеры, во много раз превосходящие натуральные и характерные для Закавказья и Альпийской зоны», относят к богу-громовику, ездовым животным которого, как правило, является козел. По мнению этого автора, схематизация образа козла и превращение его в битреугольный знак-символ, попавший в урартскую и армянскую иероглифику как знак громовика, создал надежную основу

³² Керлот 1994, 380.

³³ Хмиляр 2013, 17.

³⁴ Тресиддер 1999, 313.

³⁵ Марр 1936, 138–140.

³⁶ Третьяков 1869, 411.

³⁷ Советова 2010, 246.

³⁸ Смирнов 2001, 73.

³⁹ Голан 1993, 154–155.

⁴⁰ Мургабаев 2013, рис. 7, 9, 10.

⁴¹ Кубарев, Маточкин 1992, рис. 24.

⁴² Семенов 2008, рис. 499, 500.

⁴³ Кубарев 2009, рис. 10, 348, 375, 588, 443, 627, 722.

⁴⁴ Семенов 2008, рис. 497, 498, 501.

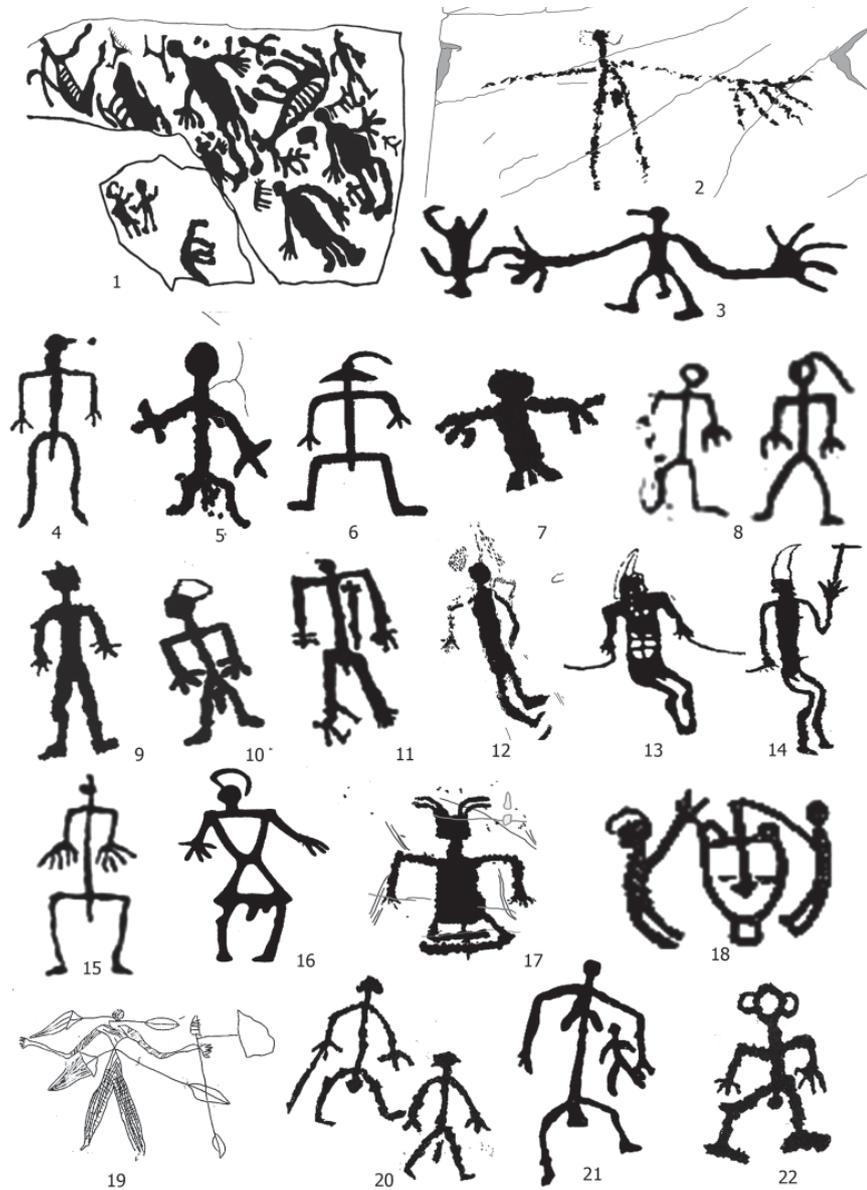

Рис. 2. Антропоморфные персонажи с выделенными кистями и пальцами рук. 1 – Сыдинская писаница (по: Ковалева 2011, табл. 5); 2, 12 – Тепсей (прорисовки авторов); 3, 17 – Бояры (по: Русакова 2013, рис. 6; 2016, рис. 1); 4 – Черемушный лог (по: Sher 1999, 75); 5 – Большое озеро (по: Семенов и др. 2003, табл. 56); 6, 8 – Копены (по: Дэвлет Е., Дэвлет М. 2005, 31); 7 – Кедровая (по: Семенов и др. 2003, рис. 65); 9, 13, 14 – Оглахты (по: Sher et al., 1994, pl. 4.1; Миклашевич, Ожередов 2008, рис. 16; Есин 2017, 91); 10 – Барсучий лог (по: Ковалева 2013, рис. 2); 11 – Салбык (по: Марсадолов 2010); 15 – Есино (по: Савинов 2009, XLVIII-1); 16 – Шира (по: Рыгдылон 1959, табл. X); 18 – Хызыл-Хая (по: Appelgren-Kivalo 1931, Abb. 299, 300); 19–22 – Оглахты (по: Кызласов, Леонтьев 1980, табл. 38, 1; Пяткин и др. 1995, табл. V, 3, 4; XIV, 3; XVI, 2)

для толкования этого образа на Кавказе. Привлекая аналогии образам подобного типа с Верхнего Иртыша (Зевакино) и Андалусии (периферии расселения восточных и западных индоевропейцев), Вл.А. Семенов справедливо ставит вопрос о существовании определенного архетипа⁴⁵.

Два любопытных сюжета с героями, у которых выделены кисти рук, выявлено нами среди петроглифов Минусинской котловины. Один родственный сюжет зафиксирован на скалах горы Оглахты в Большом логу и на одном из камней ограды тесинского кургана под горой Тепсей (Тепсей XVI) (рис. 3). Время создания рисунков относится к тесинскому этапу тагарской культуры. Переключка темы обнаруживается в наборе сходных персонажей – сочетании крупной и более мелких фигур, а также в присутствии некоего предмета, который автором публикации оглахтинской сцены назван «изображением головы на шее»⁴⁶. В обеих сценах изображены некие «крепкие» персонажи с мощным корпусом, округлой головой, обозначенным признаком мужского пола. Руки их приподняты, присогнуты в локте и опущены вниз. Ладони с пальцами увеличены, ступни направлены в одну сторону. Фигуры из сцен этих двух памятников различаются лишь отдельными деталями и разницей в технике исполнения. Характерно, что у тепсейского персонажа показано по пять пальцев на каждой руке, а у оглахтинских – по четыре. У мелких фигур пальцы не обозначены. Между двумя крупными персонажами оглахтинской сцены и расположен «предмет», названный «головой на шее». На наш взгляд, здесь, как и в тепсейской сцене, изображена не голова (для шеи линия чрезмерно длинная), а *зеркало* на ручке, которое расположено рядом с маленьким человечком. Собственно говоря, и в тепсейской сцене, возможно, зеркало изображено рядом/в руке (?) небольшой фигурки (из-за выветренности поверхностной выбивки невозможно с очевидностью констатировать этот факт). Пока это не более чем гипотеза, но она имеет право на существование. Считается, что традиция изготовления и использования металлических зеркал на территории Южной Сибири фиксируется со второй половины II тыс. до н.э.⁴⁷ Металлические зеркала появляются на Среднем Енисее со времени карасукской культуры⁴⁸ и бытуют на протяжении многих веков. На Тепсее среди памятников сарагашенского этапа тагарской культуры в женском погребении было найдено одно бронзовое круглое зеркало без ручки⁴⁹, а в грунтовых могилах тесинского времени Оглахты V обнаружено бронзовое дисковидное дужковое зеркало⁵⁰. Найденные зеркала внешне отличаются от наскальных изображений (они без ручек), но судя по археологическим материалам, их использование в погребальной практике очевидно. Мифология зеркала, как известно, отличается полисемантической: с одной стороны, подчеркивается его отрицательная магия, способная причинить вред человеку (доминирующая у западноевропейских народов), с другой, вера в положительную магию зеркала, охраняющую от злых духов (доминирует в восточно-азиатских культурах)⁵¹. Изображение зеркала в древности имело символическое значение и

⁴⁵ Семенов 2008, 411.

⁴⁶ Есин 2017, 106.

⁴⁷ Лубо-Лесниченко 1975, 8.

⁴⁸ Членова 1967.

⁴⁹ Завитухина 1979, 66, рис. 37.24.

⁵⁰ Кызласов 1971, 174.

⁵¹ Рон 2001, 74.

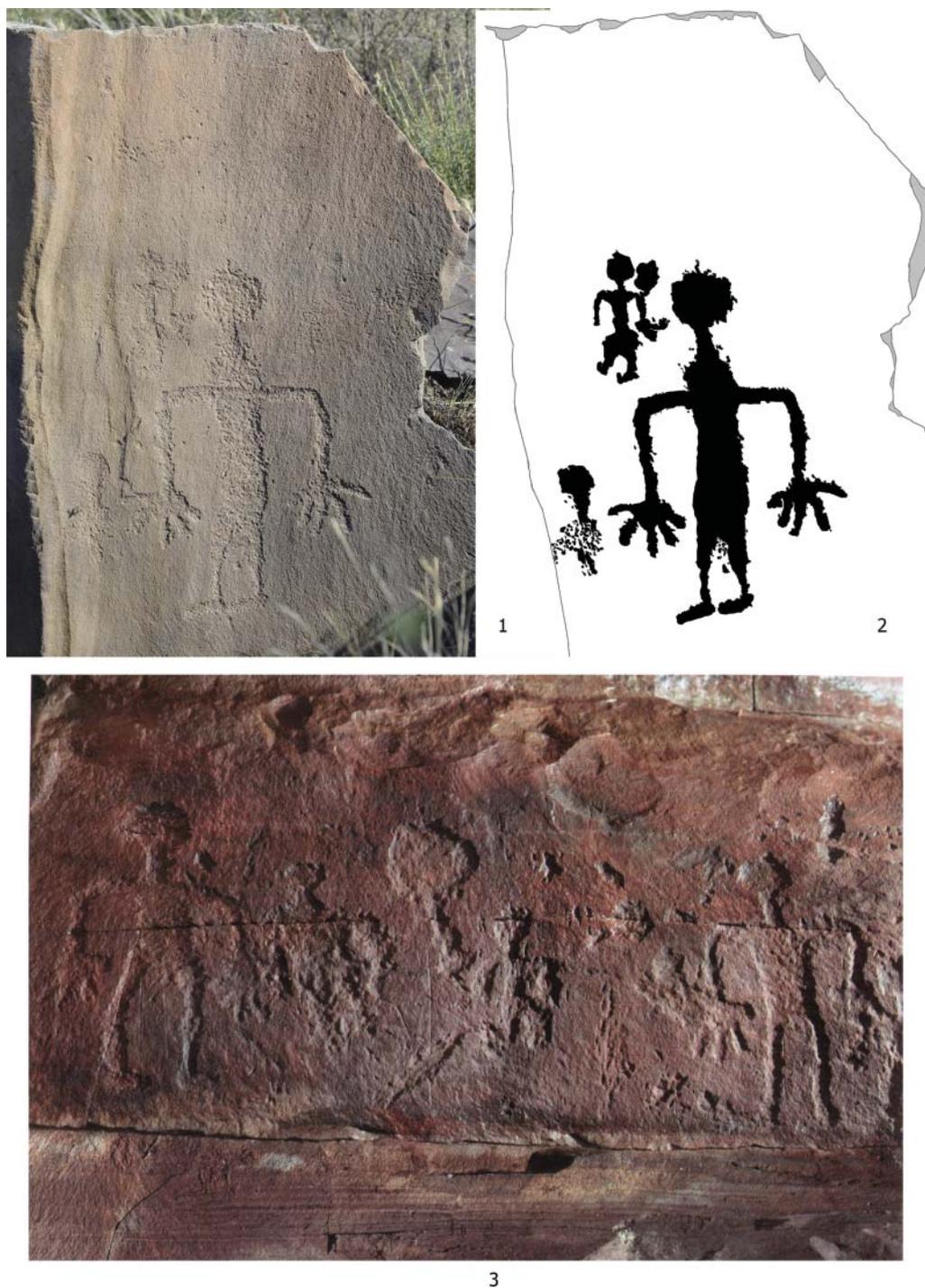

Рис. 3. Сцены с участием антропоморфных персонажей с выраженными пальцами рук Тепсея (1, 2) и Оглахты (3). 3 – по: Есин 2017, 106

указывало на сакральный смысл сюжета (к примеру, на одной греческой стеле V в. до н.э. изображение зеркала служит знаком вступления умершей в брак с Аидом), и нередко зеркало выступает в качестве границы между земным и потусторонним мирами⁵². В Минусинской котловине обнаружено множество зеркал из Китая, среди которых имеются и зеркала с ручками, но они в основном относятся к эпохе развитого средневековья⁵³. Зеркала-амулеты появились в Китае в VIII в. до н.э., их подвешивали на груди или поясе⁵⁴. Представления древних и средневековых жителей Китая, связанные с особыми свойствами зеркал, нашли определенное проявление и в рамках погребального обряда⁵⁵. О том, что зеркала играли важную роль в ритуале «перехода» умершего в потусторонний мир и являлись одним из обязательных атрибутов в погребальном обряде рядового населения пазырыкской культуры, свидетельствуют их многочисленные находки⁵⁶. В целом, по представлениям многих народов, зеркало было связано с душой умершего. Так или иначе, присутствие зеркала в рассматриваемых композициях дополнительно указывает на возможную трактовку последних как отображение обряда «перехода» в иной мир, чрезвычайно популярной темы в наскальном искусстве Минусинской котловины в тагарскую эпоху, особенно на завершающей ее стадии⁵⁷.

Другая любопытная сцена с участием пятипалых антропоморфных персонажей выявлена в пункте Усть-Туба V (гора Тепсей) и относится к этнографическому времени (рис. 4). Сюжет развернут на двух, рядом расположенных плоскостях. На левой центральное место занимает пятипалое двухголовое антропоморфное существо с гипертрофированными кистями рук и со ступнями, развернутыми вправо. Головы у существа смотрят в разные стороны, причем они «не человечески», у них морды животных. Центральную двухголовую фигуру окружают другие персонажи: два зооморфных существа (скорее всего, собаки), антропоморфная фигура, а также всадник на коне с каким-то предметом в руках (оружием?), противостоящий двухголовому существу (рис. 4, 2). В той же манере выполнены изображения на соседней плоскости, которая приблизительно в два раза больше по размерам, чем первая, и вмещает большее количество персонажей. По всей плоскости «разбросаны» восемь схожих антропоморфных фигур – все они пятипалые и с округлыми животами. Рядом и над человечками размещены изображения пяти фигур животных. На одном восседает всадник с длинным предметом в руках (палкой), поднятым вверх (рис. 4, 3). Возможно, это тот же «герой», которого мы видим и на соседней плоскости, т.е. на соседнем «кадре», поскольку и направляется он влево. Судя по всему, именно он и является главным действующим лицом, подвиги которого запечатлены в этих эпизодах: первоначально он должен пройти через препятствие в виде пузатых пятипалых персонажей, а затем вступить в схватку с двухголовым чудовищем. Относительно

⁵² Рон 2001, 76, 81.

⁵³ Лубо-Лесниченко 1975.

⁵⁴ Помимо зеркал с петелькой для подвешивания, встречаются и зеркала, имеющие небольшой выступ с отверстием, на который, по мнению Л.Н. Ермоленко, могла насаживаться деревянная ручка, закрепляющаяся при помощи штырька, вставлявшегося в имеющееся отверстие. Благодарим Л.Н. Ермоленко за устную консультацию.

⁵⁵ Хазанов 1964, 90.

⁵⁶ Черемисин 2008, 62.

⁵⁷ Савинов 2013.

1

2

Рис. 4. Многофигурная сцена с участием пятипалых антропоморфных персонажей и двух-голового существа Усть-Тубы

первых можно предварительно лишь заметить, что у антропоморфных фигурок илимпийских эвенков пятипальными и с округлыми животами показаны *маги/манги* – помощники шаманов⁵⁸. Кого в данном случае олицетворяли эти персонажи, сказать сложно.

Особое внимание обращает на себя двухголовый персонаж: помимо «собачьих» голов, у него показаны длинные руки, практически равные размеру тела, с преувеличенными пальцами. Складывается впечатление, что несколькими выбоинами у него намечены груди (?), но и обозначен признак мужского пола.

Немного отступив от анализа этой сцены, отметим, что среди этнографических рисунков Минусинской котловины известны и другие многоголовые образы (причем и пятипалые). Это, например, один из наиболее часто тиражируемых персонаж с семью головами, обнаруженный на отдельной плитке на склоне горы Оглахты⁵⁹. В литературе его называют по-разному, даже «солнцеголовым дендроморфом»⁶⁰. По мнению его первых исследователей Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева, на плитке выбито антропоморфное шагающее существо, у которого обозначены кисти рук и ступни ног, а также ответвляются от единого туловища семь «голов»⁶¹. На конце длинной шеи помещена «главная», центральная голова в виде точки, а еще шесть точек-голов завершают отростки, ответвляющиеся от единой шеи. По мнению Вл.А. Семенова, так изображен солнцеголовый персонаж со своеобразным оформлением «нимба»⁶². Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев же предположили, что это изображение олицетворяет одного из персонажей сказок хакасов «Кашея-бессмертного Чельбигена»⁶³, что в целом перекликается с фольклором тюрко-монгольских народов Южной Сибири, в котором имеется семиглавый великан Делбеген, выступающий в свите властителя подземного царства Эрлика. В фольклорных произведениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии нередко фигурируют многоголовые антропоморфные персонажи. В единоборство с семидесятипятиголовым Дарда-шара-мангатаем вступает Алтан-Шагай-мэргэн – богатырь из байкальской сказки. Множество великанов в преданиях и легендах разных народов наделены несколькими головами: двенадцатиглавый мангыс, у которого вместо ногтей на пальцах ножи; девятиглавый кровожадный Андалва. Девять голов было у демона – персонажа тибетского эпоса, которого победил могучий охотник, прародитель людей страны Лиг. Мангус Айтигар Хан – персонаж монгольского сказания о Гесере – был двенадцатиглавым⁶⁴.

Поэтому можно сделать некоторые предположения и относительно двухголового усть-тубинского персонажа. Скорее всего, здесь представлен какой-то

⁵⁸ Иванов 1970, 185, рис. 170.

⁵⁹ Кызласов, Леонтьев 1980, табл. 31.

⁶⁰ Семенов 2008, рис. 556.

⁶¹ Кызласов, Леонтьев 1980, 73.

⁶² Семенов 2008, 440. Следует отметить, что очень похожие антропообразные фигуры в виде семисвечников – менор – нанесены на иудейские надгробия Боспора (Кашаев 2008, рис. 1). Некоторые из них имеют не совсем традиционную подставку и выглядят как ноги антропоморфных существ. Возможно, что и на оглахтинской плитке могла быть изображена менора, дополненная антропоморфными признаками.

⁶³ Кызласов, Леонтьев 1980, 74.

⁶⁴ Дэвлет, Дэвлет 2005, 177.

сказочный «двуликий» герой, имеющий мужские и женские признаки, а также антропо- и зооморфные черты. «Двуликость» известна у разных народов Севера. Так, селькупы двухголовыми изображали на коре деревьев персонажей, олицетворяющих духов, двухглавость («двуличность») олицетворяла хозяина и хозяйку местности⁶⁵. Тувинские шаманы при камлании обращались к двухголовой покровительнице тайги⁶⁶. Двухголовыми изображались койки – хозяева огня или юрты у нганасан⁶⁷. Двухголовыми же были птицы и сам двухглавый «хозяин» птиц (*дэги бэгинин*) у якутов, таким же и «водяной зверь» у эвенков – животное нижнего мира, один из помощников шамана и др.⁶⁸ В мифологии кетов известен злой мужской персонаж Доотэт. В сказках встречаются доотэты с двумя и более головами⁶⁹. У алтайцев седьмого сына Ульгения изображали в виде двухголовой антропоморфной фигуры⁷⁰. Вообще в сибирской духовной традиции шаман воспринимается как особое существо двойной природы, обладающее двойным видением, имеющее две или несколько дорог во Вселенной. Нередко двойника шамана изображали двухголовым⁷¹. В шаманской атрибутике народов Сибири – ненцев, селькупов, эвенков, нанайцев, якутов встречается двух-, трех- и многоголовые предки шаманов. Причем часто у них по 2, 3, 7, 9 голов. Двухголовость образов семантически связана с идеей входа-выхода, связи двух миров, сверхвозможностями раздвоенной личности человека-духа в шаманстве⁷². Что же касается «нечеловечьих» голов рассматриваемого существа, то известно, что в хакасских преданиях присутствуют демонические создания «*мохсагалы*» – человекообразные существа, но с собачьими головами (что вполне согласуется с персонажем из рассматриваемой сцены)⁷³. Таким образом, на усть-тубинской плоскости, скорее всего, изображен некий отрицательный, демонический персонаж, возможно, какой-то из демонов подземного мира. Он двуличен, поскольку в нем сочетаются мужские и женские, антропо- и зооморфные признаки. Этому чудовищу, как и отряду пятипалых пузатых персонажей, противостоит отважный герой-всадник, эти сюжеты также очень популярны в эпосе народов Южной Сибири, корнями они уходят в далекую древность.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко, Е.А. 2001: *Мифы, предания, сказки кетов*. М.
 Вайнштейн, С. И. 1961: *Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки*. М.
 Голан, А. 1993: *Миф и символ*. М.
 Грязнов, М.П., Комарова, М.Н. 2006: Сыда V – могильник окуневской культуры. В сб.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский (ред.), *Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение*. СПб., 82–95.

⁶⁵ Дэвлет Е., Дэвлет М. 2005, 277.

⁶⁶ Вайнштейн 1961, 190.

⁶⁷ Иванов 1970, 100, рис. 88.

⁶⁸ Иванов 1970, 121, 228.

⁶⁹ Алексеевко 2001, 95.

⁷⁰ Дьяконова 1984, 49.

⁷¹ Сем 2006, 298.

⁷² Сем 2006, 317.

⁷³ В целом у сибирских народов иногда горные духи изображались в виде собак.

- Дьяконова, В.П. 1984: Этнические и историко-культурные связи народов Южного Алтая и Тувы. В сб.: В.И. Матющенко, Н.А. Томилов (ред.), *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий*. Омск, 21–25.
- Дэвлет, М.А. 1976: *Большая боярская писаница*. М.
- Дэвлет, Е.Г., Дэвлет, М.А. 2005: *Мифы в камне. Мир наскального искусства России*. М.
- Ермоленко, Л.Н., Советова, О.С. 2009: О «фертообразных» воинских изображениях рёлкинской культуры. В сб.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин (ред.), *Проблемы археологии и истории Северной Евразии*. Новосибирск, 82–88.
- Есин, Ю.Н. 2016: Петроглифы окуневской культуры на севере Хакасии. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1 (13), 85–124.
- Есин, Ю.Н. 2017: *Наскальные изображения Оглахты. Альбом*. Абакан.
- Завитухина, М.П. 1979: Сарагашенский этап. В кн.: *Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее*. Новосибирск, 54–70.
- Иванов, С.В. 1970: *Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в.* Л.
- Кашаев, С.В. 2008: Серия надгробных памятников поселения Вышестеблиевская-11. В сб.: Д.Г. Савинов, В.Н. Седых, В.И. Беляева, Н.А. Лазаревская (ред.), *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст*. СПб., 128–132.
- Керлот, Х. Э. 1994: *Словарь символов*. М.
- Ковалева, О.В. 2011: *Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины*. Новосибирск.
- Ковалева, О.В. 2013: Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1(5), 91–112.
- Кубарев, В.Д. 1988: *Древние росписи Каракола*. Новосибирск.
- Кубарев, В.Д. 1990: Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай). В сб.: М.А. Дэвлет (ред.), *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР*. М., 154.
- Кубарев, В.Д. 2002: *Наскальное искусство Алтая*. Горно-Алтайск.
- Кубарев, В.Д. 2009: *Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай)*. Новосибирск.
- Кубарев, В.Д., Маточкин, Е.П. 1992: *Петроглифы Алтая*. Новосибирск.
- Кузьмин, Ю.Н. 2011: *Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура*. СПб.
- Кызласов, Л.Р. 1971: Хакасская археологическая экспедиция 1969 года. *Учёные записки Хакасского НИИЯЛИ* 3 (XVI), 173–177.
- Кызласов, Л.Р., Леонтьев, Н.В. 1980: *Народные рисунки хакасов*. М.
- Леонтьев, Н.В. 1985: Писаницы устья р. Кантегир. В сб.: В.Е. Ларичев (ред.), *Рериховские чтения*. Новосибирск, 168–179.
- Липский, А.Н. 1970: К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея. В сб.: В.Е. Ларичев (ред.), *Сибирь и ее соседи в древности* 3. Новосибирск, 167–173.
- Липский, А.Н., Вадецкая А.Б. 2006: Могильник Тас Хазаа. В сб.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский (ред.), *Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение*. СПб., 9–53.
- Лубо-Лесниченко, Е.И. 1975: *Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири*. М.
- Марсадолов, Л.С. 2010: *Большой Салбыкский курган в Хакасии*. Абакан.
- Марр, Н.Я. 1936: Избранные работы: в 5 т. Т. 2. *Основные вопросы языкознания*. М.–Л.
- Миклашевич, Е.А., Ожередов, Ю.И. 2008: Фотографии сибирских писаниц в наследии А.В. Адрианова. В сб.: Д.Г. Савинов, О.С. Советова (ред.), *Тропой тысячелетий (труды САИПИ)*. IV Кемерово, 156–188.
- Мургабаев, С.С. 2013: Проблемы хронологии и культурных связей ранних петроглифов Каратау. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1, 52–65.
- Погожева, А.П., Кадиков, Б.Х. 1979: Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае. В сб.: А.П. Погожева (ред.), *Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 80–85.

- Пшеницына, М.Н., Пяткин Б.Н. 2006: Могильник Тас Хазаа. В сб.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский (ред.), *Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение*. СПб., 82–95.
- Пяткин, Б.Н., Мартынов, А.И. 1985: *Шалаболинские петроглифы*. Красноярск.
- Пяткин, Б.Н., Советова, О.С., Миклашевич, Е.А. 1995: Петроглифы Оглахты V (публикация коллекции). В сб.: В.В. Бобров (ред.), *Древнее искусство Азии. Петроглифы*. Кемерово, 86–95.
- Рон, М. 2001: Мифология зеркала. В сб.: Л.А. Морева (ред.), *Интеллект, воображение, интуиция: мифологический и художественный опыт II*. СПб., 72–86.
- Русакова, И.Д. 2016: К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии). В сб.: В.В. Бобров (ред.), *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*. Кемерово, 173–181.
- Рыгдылон, Э.Р. 1959: Писаницы близ озера Шира. *СА XXIX–XXX*, 186–202.
- Савенков, И.Т. 1910: О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. *Труды XIV археологического съезда в Чернигове в 1908 г.* Т. 1. М.
- Савинов, Д.Г. 2009: *Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989)*. СПб.
- Савинов, Д. Г. 2013: «Обряды перехода» на курганных плитах Среднего Енисея. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1, 112–120.
- Сем, Т.Ю. 2006: Современный взгляд на проблемы шаманства: к психологии пути знания. В сб.: Т.Ю. Сем (сост.), *Шаманизм народов Сибири*. 523–535.
- Семенов, В.А. 2008: *Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век*. СПб.
- Семенов, В.А. Килуновская, М.Е., Красниенко, С.В., Субботин, А.В. 2003: *Изображения на плитах тагарских курганов*. СПб.
- Смирнов, А.М. 2001: Изображения храмовых структур и сюжетов в европейском мегалитическом искусстве в IV–III тыс. до н.э.: опыт идентификации. В сб.: М.А. Дэвлет (ред.), *Мировоззрение древнего населения Евразии*. М., 60–89.
- Советова, О.С. 2005а: *Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы)*. Новосибирск.
- Советова, О.С. 2005б: Язык жестов в наскальном искусстве. В сб.: Е.Г. Дэвлет (ред.), *Мир наскального искусства*, М., 237–242.
- Советова, О.С. 2010: Тема «священного» брака в наскальном искусстве. В сб.: В.А. Алёшин, Л.Б. Кирчо, Л.А. Соколова, В.Я. Стеганцева (ред.), *Древние культуры Евразии*. СПб., 246–251.
- Тресиддер, Д. 1999: *Словарь символов*. М.
- Третьяков, П.И. 1869: *Турунхайский край, его природа и жители*. СПб.
- Хазанов, А.М. 1964: Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. *Советская археология* 3, 89–96.
- Хмиляр, О.Ф. 2013: Язык руки как символический код общения: историко-психологический аспект. *Психология в России и за рубежом*, 14–21.
- Шер, Я. А. 1980: *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. Новосибирск.
- Черемисин, Д.В. 2008: *Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пызырыкской культуры. Семантика звериных образов в контексте погребального обряда*. Новосибирск.
- Членова, Н.Л. 1967: *Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры*. М.
- Appelgren-Kivalo, H. 1931: *Alt-Altäische Kunstdenkmäler Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889*. Helsingfors.
- Blednova, N., Francfort, H.P., Legchilo, N. 1995: *Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie)*. Paris.
- Sher, J. A. 1999: *Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale No. 4. Ensemble de Cheremushny Log*. Paris.

Sher, J. A., Blednova, N., Legchilo, N., Smirnov, D. 1994: *Repertoire des pétroglyphes D'Asie No1: Centrale Oglakhty I-III (Russie, Khakassie)*. Paris.

REFERENCES

- Alekseenko, E.A. 2001: *Mify, predaniya, skazki ketov [Myths, legends, fairy tales of the Kets]*. Moscow.
- Appelgren-Kivalo, N. 1931: *Alt-Altäische Kunstdenkmäler Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889*. Helsingfors.
- Blednova, N., Francfort, N.R., Legchilo, N. 1995: *Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie)*. Paris.
- Cheremisin, D.V. 2008: *Iskusstvo zverinogo stilya v pogrebal'nykh kompleksakh ryadovogo naseleniya pyzyrykskoy kul'tury. Semantika zverinykh obrazov v kontekste pogrebal'nogo obryada [The art of animal style in the burial complexes of the ordinary population of the Pyzyryk culture. Semantics of animal images in the context of the funeral rite]*. Novosibirsk.
- Chlenova, N.L. 1967: *Proiskhozhdenie i rannyyaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [The origin and early history of the tribes of the Tagar culture]*. Moscow.
- Devlet, E.G., Devlet, M.A. 2005: *Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii [Myths in stone. The world of rock art of Russia]*. Moscow.
- Devlet, M.A. 1976: *Bol'shaya boyarskaya pisanica [Big boyar pisanitsa]*. Moscow.
- Dyakonova, V.P. 1984: *Etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi narodov Yuzhnogo Altaya i Tuvy [Ethnic, historical and cultural relations of the peoples of Southern Altai and Tuva]*. In: V.I. Matyushchenko, N.A. Tomilov (eds.), *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories]*. 21–25.
- Ermolenko, L.N., Sovetova, O.S. 2009: *О «fertoobraznykh» voinskikh izobrazheniyakh ryolkinskoy kul'tury [About “fertoobraznyh” military images of rolkinskay culture]*. In: A.P. Derevyanko, V.I. Molodin (eds.), *Problemy arkheologii i istorii Severnoy Evrazii [Problems of archeology and history of Northern Eurasia]*. Novosibirsk, 82–88.
- Esin, Yu.N. 2016: *Petroglify okunevskoy kul'tury na severe Khakasii [Petroglyphs of the Okunev culture in the North of Khakassia]*. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Sayan-Altai Scientific Review]* 1 (13), 85–124.
- Esin, Yu.N. 2017: *Naskal'nye izobrazheniya Oglakhty. Al'bom. [Rock paintings of Oglakhty. Album]*. Abakan.
- Golan, A. 1993: *Mif i simbol [Myth and Symbol]*. Moscow.
- Gryaznov, M.P., Komarova, M.N. 2006: *Syda V – mogil'nik okunevskoy kul'tury [Syda V – the cemetery of Okunev culture]*. In: D.G. Savinov, M.L. Podol'skiy (eds.), *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunev collection 2. Culture and its environment]*. Saint Petersburg, 82–95.
- Khazanov, A.M. 1964: *Religiozno-magicheskoe ponimanie zerkal u sarmatov [Religious and magical understanding of the mirrors of the Sarmatians]*. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archeology]* 3, 89–96.
- Khmilyar, O.F. 2013: *Yazyk ruki kak simvolicheskiy kod obshcheniya: istoriko-psikhologicheskiy aspekt [Hand language as a symbolic code of communication: historical and psychological aspect]*. *Psikhologiya v Rossii i za rubezhom [Psychology in Russia and abroad]*, 14–21.
- Ivanov, S.V. 1970: *Skul'ptura narodov Severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX v. [Sculpture of the peoples of the North of Siberia in the 19th to first half of the 20th century]*. Leningrad.
- Kashaev, S.V. 2008: *Seriya nadgrobnykh pamyatnikov poseleniya Vyshesteblievskaya-11 [A series of tombstones of the Vyshesteblievskaya-11 settlement]*. In: D.G. Savinov, V.N. Se-

- dykh, V.I. Belyaeva, N.A. Lazarevskaya (eds.), *Sluchaynye nakhodki: khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyy kontekst* [Random Finds: Chronology, Attribution, Historical and Cultural Context]. Saint Petersburg, 128–132.
- Kerlot, H. Eh. 1994: *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow.
- Kovaleva, O.V. 2011: *Naskal'nye risunki epohi pozdnej bronzy Minusinskoj kotloviny* [Rock paintings of the Late Bronze Age Minusinsk Basin]. Novosibirsk.
- Kovaleva, O.V. 2013: Risunki na plitakh i stelakh kurgana Barsuchiy log [Drawings on the plates and stelae of the barrow Badger log]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1(5), 91–112.
- Kubarev, V.D. 1988: *Drevnie rospisi Karakola* [Ancient paintings of Karakol]. Novosibirsk.
- Kubarev, V.D. 1990: Periodizatsiya petroglifov Kalbak-Tasha (Gornyy Altay) [Periodization of Kalbak-Tasha petroglyphs (Mountain Altai)] In: M.A. Devlet (ed.), *Problemy izucheniya naskal'nykh izobrazheniy v SSSR* [Problems of studying rock paintings in the USSR]. Moscow, 154.
- Kubarev, V.D. 2002: *Naskal'noe iskusstvo Altaya* [Rock Art of Altai]. Gorno-Altaysk.
- Kubarev, V.D. 2009: *Petroglify Shivehet-Khaykhana (Mongol'skiy Altay)* [Petroglyphs of Shivaet Khairkhan (Mongolian Altai)]. Novosibirsk.
- Kubarev, V.D., Matochkin, E.P. 1992: *Petroglify Altaya* [Petroglyphs of Altai]. Novosibirsk.
- Kuzmin, Yu.N. 2011: *Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura* [Funerary monuments of the Hun-Syanbi time in the steppes of the Middle Yenisei: Tessinsk culture]. Saint Petersburg.
- Kyzlasov, L.R. 1971: Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1969 goda [Khakass archaeological mission in 1969.]. *Uchyonye zapiski Khakasskogo NIIYALI* [Scientific notes Khakassky NIIIL] 3 (XVI), 173–177.
- Kyzlasov, L.R., Leontev, N.V. 1980: *Narodnye risunki khakasov* [Folk paintings Khakas]. Moscow.
- Leontev, N.V. 1985: Pisanitsy ust'ya r. Kantegir [Scribe mouth of the river Kantegir]. In: V.E. Larichev (ed.), *Rerihovskie chteniya* [Roerich's readings]. Novosibirsk, 168–179.
- Lipkiy, A.N., Vadetskaya A.B. 2006: Mogil'nik Tas Khazaa [Burial ground Tas Haza]. In: D.G. Savinov, M.L. Podolskiy (red.), *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunev collection 2. Culture and its environment]. Saint Petersburg, 9–53.
- Lipkiy, A.N. 1970: K voprosu o semantike solntseobraznykh lichin Eniseya [To the question of the semantics of the sun-like guise of the Yenisei]. In: V.E. Larichev (ed.), *Sibir' i ee sosedi v drevnosti* [Siberia and its neighbors in antiquity]. 3. Novosibirsk, 167–173.
- Lubo-Lesnichenko, E.I. 1975: *Privoznye zerkala Minusinskoj kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoj Sibiri* [Imported mirrors of the Minusinsk Basin. To the question of the external relations of the ancient population of South Siberia]. Moscow.
- Marr, N.Ya. 1936: *Izbrannye raboty* [Selected Works]: in 5 vols. Vol. 2. *Osnovnye voprosy yazykoznaniya* [Basic questions of linguistics]. Moscow – Leningrad.
- Marsadolov, L.S. 2010: *Bol'shoy Salbykский kurgan v Khakassii* [The Big Salbyk Kurgan in Khakassia]. Abakan.
- Miklashevich, E.A., Ozheredov, Yu.I. 2008: Fotografii sibirskikh pisanits v nasledii A.V. Adrianova [Photos of Siberian writings in the heritage of A.V. Adrianov]. In: D.G. Savinov, O.S. Sovetova (eds.), *Tropoyu tysyacheletiy (trudy SAIPi)* [In the path of millennia (works of SAIPi)]. IV. Kemerovo, 156–188.
- Murgabaev, S.S. 2013: Problemy khronologii i kul'turnykh svyazey rannikh petroglifov Karatau [Problems of chronology and cultural connections of early Karatau petroglyphs]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1, 52–65.
- Pogozheva, A.P., Kadikov, B.H. 1979: Mogil'nik epokhi bronzy u poselka Ozernogo na Altae [Bronze Age cemetery near the village of Ozerny in the Altai]. In: A.P. Pogozheva (ed.),

- Novoe v arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in archeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 80–85.
- Pshenitsyna, M.N., Pyatkin B.N. 2006: Mogil'nik Tas Khazaa [Burial ground Tas Hazaa]. In: D.G. Savinov, M.L. Podolskiy (eds.), *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunev collection 2. Culture and its environment]. Saint Petersburg, 82–95.
- Pyatkin, B.N., Martynov, A.I. 1985: *Shalabolinskie petroglify* [Shalabolin petroglyphs]. Krasnoyarsk.
- Pyatkin, B.N., Sovetova, O.S., Miklashevich, E.A. 1995: Petroglify Oglakhty V (publikatsiya kolleksii) [Petroglify Oglakhty V (publication collection)]. In: V.V. Bobrov (ed.), *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify* [Ancient art of Asia. Petroglyphs]. Kemerovo, 86–95.
- Ron, M. 2001: Mifologiya zerkala [Mirror Mythology]. In: L.A. Moreva (ed.), *Intellekt, vobrazhenie, intuitsiya: mifologicheskii i khudozhestvennyy opyt* [Intellect, imagination, intuition: mythological and artistic experience] 11. Saint Petersburg, 72–86.
- Rygdylon, Eh.R. 1959: Pisanitsy bliz ozera Shira [Petroglyphs near Lake Shira]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archaeology] XXIX–XXX, 186–202.
- Rusakova, I.D. 2016: K voprosu o datirovke petroglifov rannego zheleznogo veka (na primere petroglifov Boyarskogo khrebtva v Khakasii) [To the dating of the iron age petroglyphs (on the example of the Boyary ridge petroglyphs)]. In: V.V. Bobrov (ed.), *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya)* [Archaeological heritage of Siberia and central Asia (problems of interpretation and preservation)]. Kemerovo, 173–181.
- Savenkov, I.T. 1910: O drevnikh pamyatnikakh izobrazitel'nogo iskusstva na Enisee. *Trudy XIV arkhologicheskogo s'ezda v Chernigove v 1908 g.* [On the ancient monuments of art on the Yenisei. Proceedings of the XIVth Archeological Congress in Chernigov in 1908]. Vol. 1. Moscow.
- Savinov, D. G. 2013: «Obyady perekhoda» na kurgannykh plitakh Srednego Eniseya [“Rites of Transition” on the kurgan slabs of the Middle Yenisei]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1, 112–120.
- Savinov, D.G. 2009: *Minusinskaya provintsia Khunnu (po materialam arkhologicheskikh issledovaniy 1984–1989)* [Minusinsk province of Hunnu (based on archaeological research 1984-1989)]. Saint Petersburg.
- Sem, T.Yu. 2006: Sovremennyy vzglyad na problemy shamanstva: k psikhologii puti znaniya [A modern view on the problems of shamanism: towards the psychology of the path of knowledge]. In: T.Yu. Sem (ed.), *Shamanizm narodov Sibiri* [Shamanism of the peoples of Siberia]. 523–535.
- Semenov, V.A. 2008: *Pervobytnoe iskusstvo. Kamennyi vek. Bronzovyy vek* [Primitive art. Stone Age. Bronze Age]. Saint Petersburg.
- Semenov, V.A. Kilunovskaya, M.E., Krasnienko, S.V., Subbotin, A.V. 2003: *Izobrazheniya na plitakh tagarskikh kurganov* [Images on the plates of the Tagar mounds]. Saint Petersburg.
- Sher, J. A. 1999: *Répertoire des Péroglyphes d'Asie Centrale No. 4. Ensemble de Cheremushny Log*. Paris.
- Sher, J. A., Blednova, N., Legchilo, N., Smirnov, D. 1994: *Repertoire des petroglyphes D'Asie No1: Centrale Oglakhty I-III (Russie, Khakassie)*. Paris.
- Sher, J. A. 1980: *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Novosibirsk.
- Smirnov, A.M. 2001: Izobrazheniya khramovykh struktur i syuzhetov v evropeyskom megaliticheskom iskusstve v IV–III tys. do n.eh.: opyt identifikatsii [Images of temple structures and plots in European megalithic art in 4–3 millennium BC: identification experience]. In: M.A. Devlet (ed.), *Mirovozzrenie drevnego naseleniya Evrazii* [World view of the ancient population of Eurasia]. Moscow, 60–89.

- Sovetova, O.S. 2005: *Petroglify tagarskoy epohi na Enisee (syuzhety i obrazy)* [*Petroglyphs of the Tagar epoch on the Yenisei (plots and images)*]. Novosibirsk.
- Sovetova, O.S. 2005: Yazyk zhestov v naskal'nom iskusstve [Sign language in rock art]. In: E.G. Devlet (red.), *Mir naskal'nogo iskusstva* [*World of rock art*], Moscow, 237–242.
- Sovetova, O.S. 2010: Tema «svyashchennogo» braka v naskal'nom iskusstve [The theme of “sacred” marriage in rock art]. In: V.A. Alyokshin, L.B. Kircho, L.A. Sokolova, V.Ya. Stegantseva (eds.), *Drevnie kul'tury Evrazii* [*Ancient cultures of Eurasia*]. Saint Petersburg, 246–251.
- Tresidder, D. 1999: *Slovar' simvolov* [*Character Dictionary*]. Moscow.
- Tretyakov, P.I. 1869: *Turunkhajskiy kray, ego priroda i zhiteli* [*Turunhay region, its nature and residents*]. Saint Petersburg.
- Vaynshteyn, S.I. 1961: *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [*Tuva-Todzhins. Historical and ethnographic essays*]. Moscow.
- Zavitukhina, M.P. 1979: Saragashenskiy etap [Saragashensky stage]. In: *Complex arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [*The complex of archaeological sites at Tepsey mountain on the Yenisei*]. Novosibirsk, 54–70.

SOME PECULIAR ANTHROPOMORPHIC CHARACTERS IN THE ROCK ART OF THE MINUSINSK BASIN

Olga S. Sovetova, Olga O. Shishkina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
 olgasovetova@yandex.ru, haruki.yoko@yandex.ru

Abstract. This paper discusses one group of peculiar anthropomorphic characters found on the rocks and slabs of the mounds of the Minusinsk Basin. These figures have intentionally accentuated hands, often of exaggerated sizes. Similar images are frequent from the Bronze Age to the ethnographic time. In general, the images of hands with fingers are universal and can be found in the art of many nations. To date, the repertoire of the rock art of the area allowed identifying several scenes with anthropomorphic characters having an intentionally accentuated open hand. Among them is a scene with a character, shown with a raised hand all fingers of which are clearly depicted, next to the animal or in the pose of copulation with it (the so-called “sacred marriage”); a plot with the character identified with the thunder god, whose hands have are many times greater than the natural, etc. In the rock art of the Minusinsk Basin, the authors have distinguished two more scenes with five-fingered characters from the Tesin and ethnographic time. The first is associated with the idea of a “transition” to another world; and in addition to the large five-fingered figures, there are smaller anthropomorphs, as well as an image of a mirror with the handle. The other scene of ethnographic time depicts the horseman, a “cultural hero”, who on his way encounters, first, a group of five-fingered “round-bellied” characters (depicted on one plane – one episode), and later (the following episode on the next plane) – a two-headed monster, that apart from the long five-fingered hands also has zoo- and anthropomorphic features, both male and female. Such scenes were popular in the epic of the peoples of Southern Siberia, their roots in ancient times.

Keywords: Petroglyphs, Minusinsk Basin, scenes with five-fingered characters, semantics